

Увидев, что тот немного притих, Гу Минчжоу стряхнул с лезвия алые капли, задвинул меч в ножны и тихо вздохнул:

— Ну и из-за чего ты, в конце концов, плачешь?

Лучше бы он не спрашивал. Едва прозвучали эти слова, как Шэнь Эр окончательно потерял над собой контроль: слёзы из его глаз хлынули настоящим потоком, словно прорвало плотину.

— Ребёночка больше нет... Он только что выбил из меня ребёнка!

Точь-в-точь как обиженный ребёнок, жалующийся взрослым, Шэнь Эр, всхлипывая и заливаясь слезами, задрал край своего одеяния и уставился на Гу Минчжоу:

— Смотри, он совсем опал!

Гу Минчжоу на миг замер.

На белоснежном животе и впрямь темнел налившийся багровостью синяк — след от удара такой страшной силы, что обычный человек от подобного выпада наверняка отдал бы Богу душу. Демон-тигр бился насмерть и метил наверняка.

И всё же стоявший перед ним древний демон совершенно не обращал внимания на эту лютую боль. Вместо этого он заливался горькими слезами по «дитяти в чреве», точно простая смертная женщина.

Неужели у столь жутких тварей тоже есть чувства? Или подобная блажь присуща одному лишь Сумину?

Хмурые брови Гу Минчжоу медленно разгладились. Он никак не мог взять в толк, отчего Сумин настолько разительно отличается от остальных исчадий тьмы.

Однако Шэнь Эр рыдал так безутешно и надрывно, что Гу Минчжоу поневоле проникся этой глупой тревогой.

Он наклонился к нему, но не успел ничего сделать, как Шэнь Эр мёртвой хваткой вцепился в его запястье и с отчаянной поспешностью прижал его ладонь к своему животу.

— Потрогай! Скорее потрогай! Пропал, да?

Шэнь Эр уставился на него заплаканными, покрасневшими глазами. В таком же диком смятении Гу Минчжоу застал его, едва переступив порог пещеры.

Подчинившись, Гу Минчжоу слегка надавил пальцами на мягкую, нежную кожу.

Откровенно говоря, никакой разницы по сравнению со вчерашним днём он не почувствовал... Разве что этот жуткий, кровоподтёчный след от кулака на белой коже резал глаз.

Уловка тигра с отвлечением внимания сработала на славу. Гу Минчжоу и помыслить не мог, что дерзость зверя простирается так далеко и тот замахнётся на самого Великого Демона. Задержись он хоть на мгновение — и хищник сожрал бы этого глупого кролика без остатка.

Что ни говори, а тут была и его вина: попался на примитивную хитрость.

Гу Минчжоу опустил взгляд, достал из-за пазухи баночку с целебным снадобьем, открутил крышку и, зачерпнув кончиком пальца немного мази, осторожно прикоснулся к животу Шэнь Эра.

Шэнь Эр мягко оттолкнул его руку. У него никогда не было родных, и этот единственный близкий человек, готовый явиться в мир, теперь погиб по его собственному недосмотру. Грудь разрывалась от тоски, и ему было совсем не до лекарств.

— Да не молчи ты! — с дрожью в голосе пролепетал Шэнь Эр, всхлипывая. — Скажи, ребёнка больше нет?!

Он не ведал, как рождаются дети, зато прекрасно помнил ту дикую боль от удара, скрутившую его пополам. Дитя внутри ни за что бы не выжило.

А ведь он уже представлял, как вырастит кроху, как они вместе пойдут крушить Три Мира, как станут править всеми существами... Они были бы самыми дружными отцом и сыном на свете!

И всё это погибло из-за его проклятого обжорства!

— Сумин, успокойся, — попытался урезонить его Гу Минчжоу, хотя и сам толком не знал, как утешать в подобной ситуации. — Мы разделяли ложе только вчера вечером, дитя не могло появиться так быстро. А если оно и зародилось, то сейчас оно размером с песчинку — от такого удара выкидыш не случается.

Шэнь Эр утер слезы и растерянно воззрился на него:

— Правда?

— Правда, — строгим тоном подтвердил Гу Минчжоу. — По крайней мере, у людей именно так.

При этих словах Шэнь Эр зашмыгал носом с новой силой и залился слезами пуще прежнего:

— Но я же... я же не человек!

Глядя на то, как тот снова зашёл в три ручья, Гу Минчжоу досадно дёрнул веком. Искусством успокаивать плачущих он не владел от слова «совсем», а разумные доводы вырвались сами собой.

Собрать мысли воедино помогло воспоминание о сорванном растении. Нашупав в пространственном кольце стебель Небесной травы зачатия, Гу Минчжоу извлёк его наружу.

Демон-тигр хотя бы в этом не соврал: на крутом утёсе за горой действительно росла редкая трава с белоснежными листьями и пурпурным стеблем — точь-в-точь как описывал зверь.

Гу Минчжоу протянул стебель Шэнь Эру, который всё ещё сидел, обняв руками пострадавший живот и тихонько скуля:

— Если так рвёшься узнать, жив ли ребёнок, съешь её. И всё сразу прояснится.

Шэнь Эр поднял глаза. На белых листьях травы ещё переливались капли утренней росы — верный знак того, что Гу Минчжоу сорвал её только что и мчался во весь дух. Демон помялся, но протянуть руку так и не решился.

— А если... если его и вправду больше нет? Что тогда? — Шэнь Эр сглотнул подступивший к горлу ком и оттолкнул руку заклинателя. — Не буду я её есть!

Гу Минчжоу замер, недоуменно сдвинув брови:

— Разве без дитяти не лучше?

Между ними не было ни любви, ни давней привязанности. В глазах Сумина сам Гу Минчжоу должен был казаться заклятым врагом. Зачем же с таким отчаянием цепляться за этого нерождённого ребёнка?

— Он зародился в моём чреве, значит, я — его папа! — гневно вспыхнул Шэнь Эр, сверкая глазами. — Дитя растёт не в твоём животе, вот тебе и всё равно! Ты просто не хочешь брать на себя ответственность, потому и радуешься! Вы, люди, и впрямь такие же холоднокровные и эгоистичные, как говорят в легендах! Хуже любого демона!

Выслушав этот свалившийся на него ушат обвинений, Гу Минчжоу на мгновение замолк. Затем медленно спрятал траву, и лицо его приняло бесстрастное выражение:

— Что ж, дело твоё. Обдумаешь всё как следует — тогда и съешь.

— Бессердечный! Эгоист! — Шэнь Эр от злости весь залился краской. Чем холоднее вёл себя Гу Минчжоу, тем сильнее демон чувствовал себя беспомощным — словно бил кулаками по мягкой перине: ни боли противнику не причинить, ни собственную обиду не выплеснуть. — Ты просто хочешь запечатать меня! Не будь ребёнка, ты бы с лёгкой душой упёк меня под замок! Думаешь, я не понимаю, что у тебя на уме?!

После этих слов взгляд Гу Минчжоу мгновенно потемнел. Внезапным движением он подался вперёд и властно сжал щеки Шэнь Эра пальцами, оборвав его обвинения на полуслове.

Склонившись над ним, заклинатель вперил в него ледяной, тяжёлый взгляд и произнёс без единой эмоции:

— Я с самого начала пришёл сюда, чтобы запечатать тебя. Это ты перепутал главное с второстепенным.

Просторная пещера погрузилась в мертвую, давящую тишину.

Прошло несколько мгновений, и ладонь Гу Минчжоу ощутила обжигающую влагу — горячие, крупные слёзы ручьями хлынули сквозь его пальцы.

Он разжал руку. В висках отчаянно застучало.

— Ладно. Перестань плакать.

Ответа не последовало.

— Моя вина, не стоило так говорить. Теперь доволен?

Демон всё так же не обращал на него внимания.

— Сумин, тебе самому не смешно? — Гу Минчжоу, сгорая от глухого непонимания, взялся пальцами за его подбородок и заставил приподнять лицо.

И замер.

Прозрачные слезинки одна за другой скатывались по покрасневшим уголкам глаз. Густые, мокрые от слёз ресницы дрожали, точно крылья пойманной бабочки, касаясь самого сердца заклинателя невидимым, тревожным веянием.

Шэнь Эр продолжал упрямо, воровато смотреть на него из-под лба — обиженный, упёртый и совершенно нерассудительный. В этот миг он был похож не на древнее изначальное зло, а на перепуганного кролика, который пытается оскалить зубы на волка.

Надо же... Раньше дрожал от каждого шороха, а когда дошло до дела — и у него, оказывается, есть зубки.

Гу Минчжоу тяжело, затяжно вздохнул. Подавшись вперёд, он подхватил Шэнь Эра на руки прямо с пола.

Не обращая внимания на слабые лягания и град крошечных «кроличьих» кулачков, сыпавшихся ему на грудь, заклинатель бережно уложил его на ложе, прижал за плечи, расправил складки одеяний и обнажил повреждённый живот.

— Не хочешь есть траву — не надо. Но ссадину смазать придётся, — Гу Минчжоу выдавил немного целебной мази на пальцы и стал осторожно втирать её в потемневший ушиб.

Тело Великого Демона исцелялось в сотни раз быстрее человеческого, но какова бы ни была регенерация, боль от этого не утихала.

Шэнь Эр шмыгнул носом и буркнул себе под нос:

— Притворяешься только... Притворно добрый.

Однако, несмотря на ворчание, приятный холодок от целебного снадобья быстро облегчил тупую боль. Раздражение, kloкотавшее в груди демона, от этих мягких, размеренных прикосновений постепенно улеглось.

Шэнь Эру ещё никогда не приходилось пользоваться снадобьями. Оказалось, человеческие мази — штука ужасно приятная.

Всё-таки эти хрупкие смертные иногда способны изобрести кое-что путное.

Шэнь Эр покосился вбок. Гу Минчжоу, опустив длинные ресницы, со всей сосредоточенностью обрабатывал его рану. Его движения были бережными, осторожными, а подушечки пальцев, покрытые тонким слоем мозолей от меча, приятно поглаживали кожу. От этого шероховатого прикосновения сердце демона почему-то сладко и непонятно заныло.

Ощувив на себе пристальный взгляд, Гу Минчжоу вскинул глаза, но Шэнь Эр уже успел отвернуться. От страха быть застигнутым на месте кроличье сердце демона заколотилось как бешеное.

Неужели этот заклинатель наконец проникся к нему доверием?

Заставить заклятого врага прислуживать себе, словно слуге... А ведь в этом что-то есть!

Не подозревая о мыслях своего подопечного, Гу Минчжоу продолжал аккуратно втирать снадобье. Под подушечками пальцев он чётко ощущал каждое теплое дыхание Шэнь Эра, мерное вздымание его живота... На миг даже показалось, будто под этой нежной кожей и впрямь зародилась их общая жизнь.

Он слегка ткнул пальцем в мягкий бок:

— Всё ещё болит?

Шэнь Эр огрызнулся:

— А сам как думаешь? Если я тебя ткну, тебе приятно будет?

Гу Минчжоу:

—...

Заклинатель невольно тихо усмехнулся:

— Ты только что так лютовал, Почтенный Сумин, я уж грешным делом подумал, что тебе всё нипочём.

Шэнь Эр тут же замахнулся и съездил ему кулаком:

— А ты дай, я тебе врежу, тогда и проверим!

Гу Минчжоу ловко перехватил его кисть. В этом «кроличьем ударе» не было ни капли силы — так, чисто символическая попытка нагнать страху. Похоже, гнев и впрямь сменился на милость.

Поняв это, заклинатель негромко хмыкнул:

— Раз болит — лежи спокойно и отдыхай.

Шэнь Эр покрутил головой, отёрнул край одеяния, тщательно разгладил образовавшиеся складки и совсем тихо произнёс:

— Отдай мне ту траву.

Гу Минчжоу на мгновение замер:

— Снова передумал?

Чуть ранее Шэнь Эр просто вспылil из-за бессердечных слов Гу Минчжоу. На самом же деле ему до смерти хотелось узнать, жив ли его малыш.

Разум твердил, что отсутствие ребёнка избавит от тысяч проблем.

Но сердце отказывалось в это верить.

Если уж ты дал кому-то имя, если распланировал его будущее — вырвать это из души оказывается невыносимо трудно.

Если Шэнь Чаохуаю суждено свыше преодолеть эту беду и всё же явиться на свет, Шэнь Эр поклялся себе, что отдаст все силы, чтобы вырастить и обучить его как следует.

Гу Минчжоу извлёк Небесную траву зачатия и протянул демону.

Шэнь Эр глубоко вздохнул и с величавой торжественностью принял пурпурный стебель.

Настал час истины. Каков бы ни был исход, он встретит его с поднятой головой.

Он медленно отправил траву в рот. Хотя сок стебля отзывался приятной сладостью, демону было не до смакования — он проглотил её в пару мгновений, точно бык, жующий пионы.

Едва сглотив, Шэнь Эр торопливо задрал рукав.

Запястье оставалось абсолютно чистым.

Со стороны стола донёсся сдержанный, исполненный сочувствия голос Гу Минчжоу:

— Да подожди ты. Разве снадобья действуют мгновенно?

Он уже успел заметить, что этот кролик мыслит исключительно прямолинейно: что беременность, что целебные травы — всё у него должно происходить в ту же секунду.

Гу Минчжоу и сам не был уверен, что смог «попасть в цель» с первого же раза...

Шэнь Эр обхватил себя руками и начал сходить с ума от ожидания. Каждые три секунды он отдёргивал рукав и вглядывался в кожу, но возжеленная алая родинка всё не появлялась.

Прошло с полчетверти часа. Гу Минчжоу уже неторопливо восседал за столом, попивая свежесваренный чай:

— Погоди ещё немного, не суетись.

Но Шэнь Эр, сгорая от нетерпения, уже ничего не слышал. Он то задирает рукав, то опускал его, измяв парчу в сплошные складки. Сердце его пылало, словно на углях:

— Да как же так... Ну же, прояви себя, не подведи!

Гу Минчжоу с лёгкой улыбкой качнул головой:

— Не угодно ли Почтенному сначала выпить чашку чаю?

Шэнь Эр даже не удостоил его взглядом. Он впился глазами в собственное запястье, едва не прожигая в нём дыру. И вдруг... на белоснежной коже медленно, проступая сквозь ткань бытия, начала наливаться алостью крошечная родинка.

Шэнь Эр ошеломлённо хлопал глазами, едва веря собственному счастью:

— Мне... мне же не мерещится?..

Слыша его сбивчивый шёпот, Гу Минчжоу отпил глоток из пиалы и вальяжно произнёс:

— Я же говорил, не спеши. Лекарству нужно время.

В следующее мгновение Шэнь Эр взвился с места и подскочил прямо к столу, сунув своё запястье чуть не в самое лицо заклинателя:

— Гу Минчжоу! Гу Минчжоу, смотри! Проступила! Ты только глянь, ребёночка не выбили! Он жив!

Едва эти слова сорвались с его губ, Гу Минчжоу поперхнулся и брызнул чаем.

Он резко вскинул голову и впился взглядом в запястье Шэнь Эра. Там, на фарфорово-белой

коже, и впрямь ярко, откровенно и неопровержимо алела маленькая точка.

Заклинатель вцепился в тонкую кисть и с полным ошеломлением пробормотал:

— Да вы что... шутите, что ли?..

<http://bllate.org/book/20310/2111586>